

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

научный юридический журнал

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.ur-fakt.ru

ISSN 2500-1140 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск №99

КЕМЕРОВО 2020

25 мая 2020

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

ISSN 2500-1140

УДК 378.001

Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по юридическим наукам. Подробнее на www.ur-fakt.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.: Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзуцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

Научный юридический журнал «Юридический факт», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации юридических наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 25.05.2020 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.

Содержание

1. ЗНАЧЕНИЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНО ПРОЦЕССЕ.....3
Марakov С.Е.
2. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....7
Марakov С.Е.
3. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ.....11
Федотова К.Э.
4. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМЫ ЭКСТРАДИЦИИ КИБЕРПРЕСТУПНИКОВ.....15
Жужгина А.А.
5. СПЕЦИАЛИСТ, КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....22
Плигина Н.В.
6. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....25
Абцилабагандова Д.А.
7. ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, КАК МЕРА БЕЗОПАСНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....28
Полторакова Е.А.
8. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА В РОССИИ..31
Вашенко О.А.

Мараков Сергей Евгеньевич
Мараков Сергей Евгеньевич

Студент Приволжского филиала Российского Государственного Университета Правосудия

УДК 343.1

ЗНАЧЕНИЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНО ПРОЦЕССЕ

VALUE OF EVIDENCE IN THE CRIMINAL PROCESS

Аннотация: В рамках данной статьи автором, на основе анализа норм действующего законодательства, трудов ученых, анализируется значение доказывания в уголовном процессе. В процессе исследования значения доказывания в уголовном процессе, автор приходит к выводу о необходимости корректировки норм действующего законодательства, регламентирующего особенности получения ответа на адвокатский запрос.

Abstract: In this article the author, based on the analysis of the current legislation, the works of scientists, analyzed the value of evidence in criminal proceedings. In the process of researching the meaning of evidence in criminal proceedings, the author comes to the conclusion that it is necessary to adjust the norms of the current legislation regulating the specifics of receiving a response to a lawyer's request.

Ключевые слова: Доказывание в уголовном процессе, значение доказывания, доказывание.

Key words: Evidence in criminal proceedings, the value of evidence, proof.

Начать рассмотрение вопросов данной статьи представляется необходимым с указания на то, что исследованию доказывания в уголовном судопроизводстве ежегодно посвящается большое количество научных статей, монографий, диссертаций и иных видов научно-исследовательских работ. Большое количество проводимых исследований в рассматриваемой сфере во многом обуславливается значением самого доказывания для отрасли уголовного процесса. Проанализировав нормы УПК РФ, труды ученых (Боруленкова Ю.П.¹, Ахметова Е.П.², Ланчина С.А.³ и др.), мы можем отметить, что уголовно – правовое значение доказывания заключается в следующем:

1. Имело ли место преступление и какова его квалификация, может быть установлено только благодаря доказыванию. Так, например, если поступает сообщение о краже денежных средств, требуется собрать доказательственную базу по данному поводу, для чего следует, в первую очередь, произвести опрос заявителя, а также осмотреть место происшествия. В том случае, когда видимые следы проникновения отсутствуют и из показаний самого заявителя следует, что он также никаких признаков проникновения в квартиру не обнаружил, когда пришел домой, дверь была заперта, но денежные средства исчезли, следователь может выдвинуть предположения о том, что хищения могло не быть, а факт исчезновения денежных средств может быть объясним, к примеру, тем, что заявитель сам переложил денежные средства в другое место и не помнит в какое либо что их взял кто – либо из родственников, кто проживает в данной квартире либо имеет ключи от нее. Все выдвинутые версии также должны быть проверены путем доказывания. Например, возможно путем производства опроса жены заявителя установить, что она взяла семейные накопления для того, чтобы дать в долг своей подруге, но забыла поставить об этом в известность мужа. В данном случае доказывание приводит к установлению факта отсутствия преступления.

Также доказывание имеет значение и для квалификации преступления. Так, например, К. сообщил о пропаже его автомобиля, который был ранее припаркован возле подъезда дома. В ходе доследственной проверки был задержан Г., передвигавшийся по городу на данном автомобиле, в ходе опроса какие – либо пояснения Г. давать отказался, дознаватель принял решение о возбуждении уголовного дела по факту угона транспортного средства и стал производить следственные действия, направленные на доказывание вины Г. Среди прочих был произведен осмотр автомобиля и в ходе него на сиденье обнаружил сотовый телефон, который принадлежал Г. В телефоне находилась смс-

¹ Боруленкова Ю.П. Теория доказательств и доказывания: структура доказывания // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 53-57.

² Ахметова Е.П. Предмет доказывания и бремя доказывания: взаимодействие и влияние на результат рассмотрения дела // Юридический факт. 2019. № 52. С. 15-17.

³ Ланчина С.А. Доказательства и доказывание: проблемы истины в уголовном процессе // В сборнике: Человек в мире природы и культуры. Трибуна молодых сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 231-236.

переписка Г. и А., из которой следовало, что Г. планировал продать автомобиль, похищенный у К. Был допрошен А., который подтвердил, что действительно Г. предлагал купить ему автомобиль. Таким образом, путем доказывания было установлено, что в действиях Г. содержатся признаки покушения на кражу, а не угона, его действия были переквалифицированы⁴.

2. Доказывание обеспечивает реализацию такой уголовно-правовой категории, которой является уголовная ответственность. Если достаточная совокупность доказательств отсутствует, лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности.

Так, например, в случае заявления И. о том, что ему в ходе ссоры с П. последним были причинены ему телесные повреждения, повлекшие причинение вреда здоровью, необходимо произвести доказывание данного факта. В таком случае, прежде всего необходимо опросить заявителя, лицо, на которое он указывает, родственников и знакомых заявителя и лица, на которое он указывает. В ходе проверки устанавливается, что очевидцы данного события отсутствуют, родственникам И. об этом ничего не известно, П. свою причастность к совершению данного преступления отрицает, а жена П. утверждает, что в тот день, когда И. были причинены телесные повреждения, они с П. находились в гостях у своих знакомых, данные лица также подтверждают данный факт. В рассматриваемой ситуации в ходе доказывания установлено отсутствие оснований для привлечения П. к ответственности.

Одним только уголовно – процессуальным значением значение процесса доказывания не ограничивается. Также он значим и в уголовно – правовом аспекте. Здесь значение процесса доказывания состоит в следующем:

1) Процесс доказывания должен гарантировать обеспечение реализации прав и законных интересов всех участников уголовного процесса.

В силу этого, процесс доказывания не должен проходить в одностороннем порядке, сбор и проверка доказательств должны осуществляться таким образом, чтобы были соблюдены интересы всех сторон – и заявителя, и подозреваемого, проверены их версии. Здесь можно привести уже рассмотренный нами пример, когда заявитель указывает на определенное лицо как на совершившее преступление, а данное лицо свою причастность к преступлению отрицает, поясняя, что находился в другом месте. Здесь в обязательном порядке должна быть также проверена и версия подозреваемого.

2) Все возникающие в ходе расследования уголовного дела вопросы должны разрешаться на основании достоверно установленных в ходе доказывания обстоятельств.

Так, основу доказывания не могут составлять предположения или домыслы, которые не имеют своего подтверждения. Так, например, если заявительница сообщает, что у нее были похищены серьги и она уверена, что кража данных сережек совершена ее знакомой Т., которой данные серьги давно нравились, следователь должен проверить достоверность данных сведений. Если в ходе производства следственных действий, с помощью которых осуществляется процесс доказывания, следователь не находит никаких подтверждений того факта, что хищение совершено Т., то не получено и достоверных данных о причастности Т. к совершению данного преступления, соответственно, она не может быть привлечена к уголовной ответственности за совершение данного преступления.

3. Участие заинтересованных субъектов в доказывании является гарантией реализации принципов уголовного процесса. Возможность сбора и предоставления доказательств предоставлена не только следователю, но и защитнику, однако, данные доказательства должны быть проверены с точки зрения их достоверности. Достоверными признаются те сведения, содержание которых соответствует фактам, имевшим место в действительности. При этом, следует учитывать, что, как правило, лица, производящие расследования, не доверяют доказательствам, представленным защитником, полагая, что они могут быть и недостоверными, а защитник просто стремится любыми возможными способами защитить интересы своего подзащитного⁵.

В п. 7 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката⁶ указано, что адвокат не должен проверять те сведения, которые предоставлены ему доверителем, в связи с чем, можно сделать вывод о том, что адвокат может предоставить и те доказательства, в достоверности которых он не уверен.

⁴ Приговор Советского районного суда г. Краснодара от 15 апреля 2018 года по делу № 1 – 38/ 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник. М.: Изд-во «Юрайт», 2014. С. 82.

⁶ Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003г. (ред. от 20.04.2017г.) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2017. № 2.

Статья 86 УПК РФ⁷, предоставляя защитнику право предоставлять доказательства, в то же время, позволяет сделать вывод о том, что он не является полноправным субъектом доказывания⁸. Аргументируем свою позицию: законодательно механизм собрания защитником доказательств не закреплен, а он требуется для признания доказательств допустимыми; законодательно предусмотрен ряд способов, с помощью которых защитник может собирать доказательства, однако, их явно недостаточно для того, чтобы сведения, имеющиеся у защитника, являлись доказательствами. Представляется, что требуется закрепление соответствующего процессуального порядка.

Таким образом, мы полагаем, что возможно вести речь только о получении защитником «носителей доказательственной информации», которая не обладает процессуальным характером. К примеру, защитник вправе получать объяснения, истребовать справки и т.д., однако, отсутствует законодательно установленный порядок и процедура осуществления таких действий. Кроме того, защитник не имеет возможность получать определенные сведения, к примеру, он не может по своему запросу получить сведения, составляющие охраняемую законом тайну⁹.

Ответ на адвокатский запрос должен даваться в письменной форме не позднее 30 дней со дня получения такого запроса. Однако, мы считаем, что это срок является излишним, поскольку, например, срок дознания может быть даже меньше, чем срок ответа на запрос. Кроме того, предоставив защитнику право производства опроса лиц, обладающих сведениями об обстоятельствах совершенного преступления, законодатель предусмотрел, что для этого необходимо согласие опрашиваемого, соответственно, и здесь просматриваются определенные ограничения возможностей защитника по сбору доказательств. Нет в УПК РФ и никаких требований к форме опроса, в результате чего, фиксация адвокатом показаний опрашиваемого происходит по усмотрению самого защитника¹⁰.

Полагаем, что было бы целесообразным внести дополнения в УПК РФ, закрепив положение о том, каким образом сведения, полученные защитником в ходе опроса, могут быть зафиксированы, предусмотрев четко определенную процессуальную форму фиксации.

4. Доказательства являются основанием для принятия всех процессуальных решений по уголовному делу. Если отсутствуют доказательства, невозможно привлечь лицо в качестве обвиняемого, вынести в отношении него обвинительный приговор по данному факту или прекратить уголовное дело по нереабилитирующим основаниям.

Библиографический список:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Ахметова Е.П. Предмет доказывания и бремя доказывания: взаимодействие и влияние на результат рассмотрения дела // Юридический факт. 2019. № 52. С. 15-17.
3. Боруленкова Ю.П. Теория доказательств и доказывания: структура доказывания // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 53-57.
4. Дяблов А.В. Правовое регулирование и доказательственное значение опроса лиц с их согласия защитником // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 141.
5. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003г. (ред. от 20.04.2017г.) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2017. № 2.
6. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник. М.: Изд-во «Юрайт», 2014. С. 82.
7. Ланчина С.А. Доказательства и доказывание: проблемы истины в уголовном процессе // В сборнике: Человек в мире природы и культуры. Трибуна молодых сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 231-236.
8. Приговор Советского районного суда г. Краснодара от 15 апреля 2018 года по делу № 1

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁸ Стародубова Г.В. Участие адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 113

⁹ Там же. С. 115.

¹⁰ Дяблов А.В. Правовое регулирование и доказательственное значение опроса лиц с их согласия защитником // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 141.

– 38/ 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Стародубова Г.В. Участие адвоката-защитника в доказывании по уголовном делам // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 113

Мараков Сергей Евгеньевич
Мараков Сергей Евгеньевич

Студент Приволжского филиала Российского Государственного Университета Правосудия

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

SOME QUESTIONS OF USE OF EVIDENCE FACILITIES AT THE STAGE OF EXCITATION OF CRIMINAL CASE

Аннотация: В рамках данной статьи автором, на основе анализа норм действующего законодательства, трудов ученых и материалов правоприменительной практики исследуются отдельные вопросы связанные с использованием средств доказывания на стадии возбуждения уголовного дела. По результатам проведенного исследования автором делаются выводы о возможных путях их разрешения.

Abstract: In the framework of this article, the author, on the basis of an analysis of the norms of the current legislation, the works of scientists and materials of law enforcement practice, examines individual issues related to the use of evidence at the stage of criminal proceedings. Based on the results of the study, the author draws conclusions about the possible ways to resolve them.

Ключевые слова: Доказывание на досудебных стадиях, доказывание на стадии возбуждения уголовного дела, проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве.

Key words: Evidence at the pre-trial stages, evidence at the stage of initiating a criminal case, problems of evidence in criminal proceedings.

Процесс доказывания имеет место на всех этапах досудебной стадии уголовного процесса. Первой стадией является стадия возбуждения уголовного дела, на которой надлежит доказать наличие либо отсутствие оснований для принятия решения о начале предварительного расследования, оформляемого вынесением постановления о возбуждении уголовного дела. Полагаем, что именно установление указанных оснований и представляет собой основную задачу рассматриваемой стадии, однако, не единственную¹.

Здесь существует и несколько второстепенных задач, которые теснейшим образом связаны с процессом доказывания, обнаружением доказательств, их фиксацией, изъятием, сохранностью. Таким образом, в качестве еще одной важной задачей можно назвать задачу сохранности следов преступления, которую законодатель прямо закрепил в ч. 3 ст. 145 УПК РФ², правда, применительно к принимаемому в стадии возбуждения такого решения, как передача сообщения по подследственности, однако, с нашей точки зрения, решение данной задачи необходимо вне зависимости от того, какое решение будет принято по сообщению о преступлении. В первую очередь, это обусловлено тем фактом, что многие доказательства возможно получить только на данной стадии уголовного судопроизводства, поскольку многим доказательствам присущи свойства быстрой утрачиваемости. При этом, все сказанное в одинаковой мере, по нашему мнению, касается как материальных, так и идеальных судов преступления.

Так, к примеру, следы транспортных средств на автодороге, способные позволить себе представление об обстоятельствах и механизме дорожно – транспортного происшествия могут быть утрачены в кратчайшие сроки с момента данного происшествия по причине погодных условий (могут быть смыты сильным дождем, засыпаны снегом), умышленных действий людей в целях искажения обстановки на месте происшествия и, соответственно, необходимых доказательств, неосторожных действий (наложением поверх них следов транспортных средств). Идеальные следы, представляющие собой отображение в памяти людей обстоятельств происшествия, со временем стираются, утрачиваются и т.д.

Таким образом, важность задачи по сбору доказательств в стадии доследственной проверки, непосредственно после получения сообщения о преступлении, не вызывает сомнений. Учитывая

¹ Бобров В.К. и др. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В.П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2013. С. 222.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

данный факт, законодатель предусмотрел определенный инструментарий получения таких доказательств, комплекс следственных и иных процессуальных действий, которые могут быть произведены еще до возбуждения уголовного дела³.

Несомненно, наличие возможности производства определенных следственных действий до момента принятия решения о возбуждения уголовного дела необходимо, поскольку иным образом доказать наличие или отсутствие оснований для возбуждения уголовного дела просто невозможно. В то же время, нельзя не обратить внимание на тот факт, что круг возможностей следователя либо иного лица, осуществляющего свою деятельность в стадии возбуждения уголовного дела, несколько ограничен по сравнению с теми возможностями, которые имеются у него в стадии предварительного расследования. Как позитивный момент, здесь следует обратить внимание на тот факт, что законодатель прекрасно осознает данную проблему, в связи с чем, в настоящий момент перечень тех следственных действий, которые возможно выполнить в стадии доследственной проверки, существенно расширен.

В то же время, нельзя не обратить внимание и на существенные недостатки, которые законодателем остались незамеченными, однако, создают достаточно большое количество проблем в следственной и судебной практике.

Так, в перечне следственных и процессуальных действий, содержащихся в ст. 144 УПК РФ, помимо прочих, законодатель приводит такие, как истребование предметов и документов и изъятие предметов и документов, что вызывает огромное количество вопросов у правоприменителя. В первую очередь, возникает вопрос, являются ли указанные термины наименованием одного или разных процессуальных действий. В научной литературе можно встретить позицию, отождествляющую указанные действия⁴. Мы с данным мнением согласиться не можем как минимум по той причине, что законодатель указал в ст. 144 УПК РФ оба указанных процессуальных действия.

По нашему мнению, истребование имеет место в случае отсутствия непосредственного контакта между следователем и владельцем объекта, у которого и надлежит его истребовать. Например, с нашей точки зрения, такой термин применим к получению различных характеристик, ответов на запросы, то есть, к тем ситуациям, когда производимые действия не нуждаются в обличении в процессуальную форму в виде соответствующего постановления и протокола. Изъятие же, в данном контексте, нам видится совершенно иным, в таком случае изъятый документ должен быть введен в уголовное судопроизводство в качестве вещественного доказательства, в связи с чем, имеется необходимость в придании изъятию процессуальной формы. Но здесь остро встает вопрос о том, что же представляет собой изъятие. Если обратиться к нормам уголовно – процессуального законодательства, регламентирующим основания и порядок производства различных следственных действий, то такого следственного действия как изъятие мы там не найдем. Указанный термин применительно к следственным действиям законодатель использует лишь при определении отдельных следственных действий, описании порядка и условий его производства.

Так, можно обнаружить, что рассматриваемый термин законодатель использует при раскрытии таких следственных действий как осмотр, обыск, личный обыск и выемка⁵. На основании этого, ряд исследователей полагает, что таким образом законодательно разрешено производство всех указанных следственных действий до возбуждения уголовного дела, просто законодатель, чтобы не загромождать рассматриваемую норму, ограничился охватом их одним термином «изъятие»⁶. Однако, мы с такой позицией никак согласиться не можем, обоснуем это рядом аргументов.

Во – первых, такое следственное действие как осмотр, законодатель упоминает отдельно в ст. 144 УПК РФ в перечне тех действий, которые могут быть произведены до возбуждения уголовного дела. Соответственно, невозможно говорить об отождествлении осмотра и изъятия.

Во – вторых, если законодатель счел нужным упомянуть ряд следственных действий в рассматриваемой норме, не было никаких препятствий упомянуть и еще три, кардинально это анализируемую нами статью не перегрузило бы.

³ Профатилова Н.В. Оценка следователем достаточности доказательств при принятии основных процессуальных решений по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 54.

⁴ Кальницкий В.В. Истребование документов и предметов в стадии возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2015. № 2 (35). С. 64 -71.

⁵ Каретников А.С., Каретников С.В. Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // Законность. 2014. № 7. С. 68.

⁶ Васильев О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса: критический анализ новелл 2013 г. // Закон. 2013. № 8. С. 187.

В – третьих, изъятие предметов и документов возможно не только в ходе указанных следственных действий, поскольку судебной практике известны и ситуации, когда предметы, впоследствии признаваемые вещественными доказательствами, изымались в ходе проверки показаний на месте. Несмотря на то, что законодатель не рассматривает данное следственное действие как то, которое нацелено на изъятие, в следственной практике вполне возможны случаи обнаружения во время проверки показаний на месте предметов, имеющих значение для расследования, и в таком случае проводить после проверки показаний отдельное следственное действие в целях изъятия данного предмета вряд ли целесообразно.

Приведем пример. Давший признательные показания в совершении разбойного нападения Р. высказал согласие подтвердить свои показания в ходе проверки показаний на месте. Прибыв на место, Р. дал подробные показания о том, где именно он нашел орудие совершения преступления – прут металлической арматуры, как нанес им удар потерпевшему, а также показал, каким путем убежал с похищенным с места происшествия и где выбросил в кусты прут арматуры, являвшийся орудием преступления. Ранее в ходе осмотра места происшествия орудие преступления обнаружено не было, поскольку, как было установлено в ходе проверки показаний на месте, Р. выбросил его достаточно далеко от места совершения преступления. После того, как Р. указал, куда выбросил прут, в ходе проверки показаний на месте следователь произвел его изъятие, внося данный факт в протокол. После чего, в ходе отдельного следственного действия, произвел осмотр данного прута, а затем приобщил к уголовному делу в качестве вещественного доказательства. Все перечисленные доказательства были положены в основу обвинения Р., приведены в перечне обвинительных доказательств в обвинительном заключении и в приговоре⁷.

Данный пример наглядно свидетельствует о том, что изъятие возможно не только в ходе производства осмотра, обыска, личного обыска и выемки. Таким образом, если предполагать, что используя в ст. 144 УПК РФ термин «изъятие» законодатель имел в виду любое следственное действие, в ходе которого возможно изъять предмет или документ, получится, что в стадии доследственной проверки возможно производство практически любого следственного действия, что, очевидно, неверно, и опровергается самим фактом существования отдельной нормы, посвященной кругу следственных действий, которые могут быть произведены в ходе доследственной проверки.

Имеется и мнение о том, что в ходе доследственной проверки изъятие предметов и документов должно оформляться протоколом изъятия⁸. Аргументируется данное мнение, помимо всего прочего, и тем фактом, что в ст. 13 ФЗ «О полиции»⁹ разрешено производство изъятия документов, предметов, материалов в ходе оперативно – розыскной деятельности и административно – процессуальной деятельности, соответственно, возможна дача поручения следователем на производство изъятия предметов и документов в ходе доследственной проверки органу дознания¹⁰.

Мы с данной позицией не согласны по той причине, что в рамках уголовно – процессуальной деятельности протокол выступает лишь средством фиксации того или иного следственного действия, соответственно, для того, чтобы иметь возможность составить протокол изъятия, необходимо наличие в УПК РФ нормы, посвященной такому следственному действию, как изъятие, однако, как мы уже говорили, такое следственное действие российскому уголовному процессу неизвестно.

Если обратиться к решению рассматриваемого вопроса в правоприменительной практике, то можно увидеть, что, как правило, изъятие осуществляется в ходе осмотра места происшествия или путем составления таких процессуально непредусмотренных документов, как акт изъятия или протокол изъятия. Иногда и вовсе имеют место такие процессуальные нарушения, когда предмет или документ, подлежащий изъятию, лицо, проводящее доследственную проверку, без всякого процессуального оформления забирает у того или иного участника по уголовному делу, после чего прилагает его к материалу доследственной проверки, и уже только после того, как принимается

⁷ Приговор Василеостровского районного суда г. Санкт – Петербурга от 11 октября 2017 года по делу № 1 – 62 / 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Бравилова Е.В. Истребование и изъятие предметов и документов до возбуждения уголовного дела // Эволюция государства и права: история и современность. Сборник научных статей II Международной научно – практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго – Западного государственного университета. 2017. С. 340 – 344.

⁹ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции» // «Собрание законодательства РФ», 14.02.2011, № 7, ст. 900.

¹⁰ Чабукиани О.А. Истребование или изъятие следователем предметов и документов как проверочное действие стадии возбуждения уголовного дела // Научный диалог. 2013. № 12 (24). С. 64 – 71.

решение о возбуждении уголовного дела, изъятие данного документа оформляется протоколом какого – либо следственного действия, как правило, выемки¹¹. Полагаем, что такие ситуации просто недопустимы, поскольку фактически представляют собой фальсификацию доказательств, так как в таком случае в протоколе указываются дата, время и место изъятия, не соответствующие действительности. С нашей точки зрения, необходимо разрешить данную проблему путем внесения соответствующих изменений в законодательство, а именно в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Наиболее простым выходом в данном случае нам представляется возможным дополнить перечень следственных действий, которые могут быть произведены до возбуждения уголовного дела, таким следственным действием, как выемка. При этом, используемый термин «изъятие» следует заменить термином «выемка». Это позволит, в первую очередь, привести правоприменительную практику к единообразию. При этом, исключение термина «изъятие» не будет означать невозможности изымать документы в ходе других следственных действий, как это полагают некоторые авторы¹². Если законодатель прямо предусматривает возможность производства изъятия предметов и документов в ходе осмотра места происшествия, то, соответственно, и в рамках его производства до возбуждения уголовного дела ничто не запрещает изымать указанные предметы и документы, и для этого отдельно указывать в ст. 144 УПК РФ на возможность производства изъятия в ходе доследственной проверки нет никакой необходимости.

Библиографический список:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Бобров В.К. и др. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. В.П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2013. С. 222.
3. Профатилова Н.В. Оценка следователем достаточности доказательств при принятии основных процессуальных решений по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 54.
4. Кальницкий В.В. Истребование документов и предметов в стадии возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2015. № 2 (35). С. 64 -71.
5. Каретников А.С., Каретников С.В. Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // Законность. 2014. № 7. С. 68.
6. Васильев О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса: критический анализ новелл 2013 г. // Закон. 2013. № 8.С. 187.
7. Приговор Василеостровского районного суда г. Санкт – Петербурга от 11 октября 2017 года по делу № 1 – 62 / 2017 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Бравилова Е.В. Истребование и изъятие предметов и документов до возбуждения уголовного дела // Эволюция государства и права: история и современность. Сборник научных статей II Международной научно – практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго – Западного государственного университета. 2017. С. 340 – 344.
9. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции» // «Собрание законодательства РФ», 14.02.2011, № 7, ст. 900.
10. Чабукиани О.А. Истребование или изъятие следователем предметов и документов как проверочное действие стадии возбуждения уголовного дела // Научный диалог. 2013. № 12 (24). С. 64 – 71.
11. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). - 9-е изд., перераб. ГАРАНТ, 2014
12. Мамошин М.А. Особенности изъятия предметов и документов при проверке сообщения о преступлении // Научный портал МВД России. 2016. № 3 (35). С. 10- 14.

¹¹ Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). - 9-е изд., перераб. ГАРАНТ, 2014

¹² Мамошин М.А. Особенности изъятия предметов и документов при проверке сообщения о преступлении // Научный портал МВД России. 2016. № 3 (35). С. 10- 14.

Федотова Карина Эдуардовна
Fedotova Karina Eduardovna

Студентка Тольяттинского государственного университета, институт права.

УДК 343

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

ABOUT SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF THE QUALIFICATION OF CRIMES AGAINST SEXUAL INTEGRITY AND SEXUAL FREEDOM OF THE INDIVIDUAL

Аннотация. В статье проанализированы некоторые проблемные аспекты квалификации изнасилования. Предложено внесение изменений в законодательство, которые позволят привлекать к ответственности по ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации женщин, унифицируют медицинскую и юридическую терминологию, касательно заболеваний, передающихся половым путем, приведут законодательство в соответствие с устоявшейся судебной практикой и ее потребностями.

Abstract: The article analyzes some problematic aspects of the qualification of rape. It is proposed to introduce changes to the legislation that will allow women to be held liable under article 131 of the Criminal code of the Russian Federation, unify medical and legal terminology regarding sexually transmitted diseases, and bring the legislation in line with established judicial practice and its needs.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, половая свобода, изнасилование, венерические заболевания, групповое преступление.

Keywords: sexual integrity, sexual freedom, rape, venereal diseases, group crime.

Конституция Российской Федерации [1] в ч. 1 ст. 22 гарантирует каждому право на свободу и личную неприкосновенность. Именно составляющим этого конституционного права и является право лица на половую неприкосновенность и половую свободу. Проблеме искоренения насилия в отношении женщин, в том числе и в сфере сексуальных отношений, уделено внимание в Резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН 61/143 от 19 декабря 2006 г., 62/133 от 18 декабря 2007 г. «Об активизации усилий в целях искоренения всех форм насилия в отношении женщин» [2] и 62/134 от 18 декабря 2007 г. «Об искоренении изнасилования и других форм сексуального насилия во всех их проявлениях, в том числе в ходе конфликтов и связанных с ними ситуациями» [3]. Защите детей, в том числе от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения, посвящены Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г. [4] и Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. [5].

Особенно актуальным в данном контексте является вопрос уголовной ответственности за общественно опасные посягательства на закрепленные в названных выше документах права на половую неприкосновенность и половую свободу личности. Это связано с тем, что даже незначительное число таких преступлений вызывает обеспокоенность в силу необратимости причиняемых жертве последствий [6, с. 3]. Наиболее остро в сфере правоприменения стоит вопрос правильной квалификации преступлений, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу личности, в частности изнасилований, которые составляют 28,4% из числа совершаемых половых преступлений.

Квалификация преступления – это установление соответствия в содеянном признаков общественно опасного деяния признакам состава преступления, предусмотренного в нормах Общей и Особенной частей УК РФ с выводом о применении той или иной статьи [7, с. 120].

В.К. Дуюнов и А.Г. Хлебушкин рассматривают понятие квалификации в двух значениях: (1) как сложный логический и психологический процесс познания, вид мыслительной деятельности, в ходе которого с использованием приемов формальной логики и необходимых психологических приемов осуществляется постижение истины (познание объективной реальности, узнавание и уяснение фактических обстоятельств дела) и качественная оценка конкретного акта поведения (действия или бездействия) человека с позиций уголовного закона; (2) как результат указанного процесса, итог мыслительной деятельности субъекта квалификации (следователя, прокурора, судьи, ученого) [8, с. 6].

В рамках настоящего исследования представляет интерес понимание квалификации преступлений как процесса, в рамках которого устанавливается имеются ли в совершенном лицом деянии признаки преступления, а если имеются — то какого именно преступления, выявляются фактические признаки совершенного деяния, происходит их сопоставление с признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовыми нормами.

Процесс квалификации изнасилования связан с рядом правоприменительных проблем, некоторые из них рассмотрим ниже.

В ч. 1 ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации [9] (далее – УК РФ) понятие изнасилования раскрывается через категорию «половое сношение». В свою очередь «половое сношение» в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [10] определяется как половой акт между женщиной и мужчиной. Такое определение дает основание полагать, что в качестве потерпевшего (равно как и субъекта) преступления по ст. 131 УК РФ может выступать как женщина, так и мужчина. Однако этот вывод полностью опровергается текстуальным содержанием ч. 1 ст. 131 УК РФ, где речь идет исключительно о «потерпевшей». Среди исследователей такой подход законодателя нередко подвергается критике, поскольку правоприменительной практике известно немало случаев изнасилования мужчин [11]. При этом следует понимать, что юридическая невозможность женщины выступать субъектом изнасилования не означает, что она в случае совершения насильственного полового сношения в отношении мужчины останется безнаказанной. В таком случае ответственность будет наступать по ст. 132 УК РФ. Тяжесть и квалифицирующие признаки ст. ст. 131 и 132 УК РФ аналогичны. Однако основная проблема возникает в случае, если совершается групповое изнасилование. Такое преступление согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. №16 имеет место, не только тогда, когда несколько лиц непосредственно совершают насильственное половое сношение, но и в случае, если некоторые из соучастников только содействуют насильственному половому сношению путем применения физического или психического насилия к потерпевшему лицу или к другим лицам. При этом действия лиц, лично не совершавших насильственного полового сношения следует квалифицировать как соисполнительство в совершении изнасилования. В науке сложилась позиция, что лицо, не обладающее статусом специального субъекта, однако совершившего уголовное преступление совместно с другими лицами, которые обладают специальными признаками, не может иметь статус соисполнителя. Следовательно, если изнасилование совершается женщиной и мужчиной и роль женщины состоит исключительно в применении физического или психического насилия к потерпевшему лицу или к другим лицам, то преступление необоснованно утрачивает квалифицирующий признак, предусмотренный п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ только потому, что женщина не признается субъектом изнасилования. Для устранения выявленного недостатка правового регулирования, предлагаем по аналогии с уголовным законодательством ряда зарубежных стран, в ч. 1 ст. 131 слово «потерпевшей» заменить на «потерпевшего лица» [12, с. 710], чем включить в число субъектов изнасилования лиц как женского, так и мужского пола.

Говоря о других квалифицирующих признаках изнасилования, следует отменить, что формулирование некоторых из них нуждаются в корректировке. Пункт «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ в качестве квалифицирующего признака признает заражение потерпевшей венерическим заболеванием. Буквальное толкование этой нормы дает основания полагать, что этот квалифицирующий признак вменяется даже в случае, когда субъект преступления не знал о наличии у него того или иного венерического заболевания. В то же время судебная практика исходит из того, что уголовная ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ наступает только в случае, когда лицо, заразившее потерпевшее лицо венерическим заболеванием, знало о его наличии (п. 12 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 №16). С целью приведения законодательства в соответствие с судебной практикой считаем необходимым квалифицирующий признак «изнасилование, повлекшее заражение потерпевшей венерическим заболеванием», дополнить словами: «лицом, знавшим о наличии у него этой болезни». Также исследователи обращают внимание на то, что Международная классификация болезней и травм 10-ого пересмотра не содержит термина «венерические заболевания», однако содержит иной термин, который также закреплен в Постановлении Правительства РФ №715 от 01.12.2004 года [13], – «инфекции, передающиеся преимущественно половым путем». При этом термин «венерические заболевания»

является лишь составляющим такого спектра заболеваний, как «заболевания, передающиеся половым путем» и поэтому существует необходимость внесения изменений в УК РФ, заменив в п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ «венерические заболевания» на «заболевания преимущественно передающиеся половым путем», для должной квалификации преступлений [14, с. 142]. Такие изменения унифицируют медицинскую и юридическую терминологию и избавят законодателя от необходимости трактовать медицинские категории «по-своему», что всегда признавалось исследователями некорректным.

В завершение следует обозначить необходимость дополнения перечня квалифицирующих признаков. Так, достаточно часто потерпевшими становятся лица, о которых виновный имел обязанность заботиться (например, дочь или падчерица). В связи с этим в литературе предлагается возможность введения в ст. 131 квалифицирующего признака, усиливающего ответственность за совершение деяния в отношении таких лиц. Реализация такого предложения будет соответствовать потребностями современной судебной практики, исторической традиции регулирования ответственности за изнасилование (рассматриваемый квалифицирующий признак был закреплен на протяжении длительного времени начиная с Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года). Кроме того, Европейский Суд по правам человека в ряде решений рекомендовал государствам осуществлять защиту детей, находящихся под опекой родителей или других лиц, от «всех форм физического и психического насилия, включая действия сексуального характера» [15]. Таким образом, игнорирование государством проблем насилия над детьми в семье или в других частных учреждениях, непринятие соответствующих мер с целью его предупреждения рассматривается как попустительство таким действиям со стороны государства и как нарушение государством международно-правовых обязательств по защите детей от пыток и других жестоких, нечеловеческих или таких, что унижают достоинство, видов обращения и наказания.

Итак, в результате проведенного анализа установлены следующие проблемы, связанные с квалификацией изнасилования: невозможность привлечения женщин в качестве соисполнителя по ст. 131 УК РФ; несоответствие законодательной формулировки и судебной практики квалифицирующего признака изнасилования, закрепленного в п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ; отсутствие среди квалифицирующих признаков изнасилования «совершение преступления в отношении лица, о которых виновный имел обязанность заботиться». Для решения обозначенных проблем предлагается внесение следующих изменений в законодательство:

- ч. 1 ст. 131 слово «потерпевшей» заменить на «потерпевшего лица», чем включить в число субъектов изнасилования лиц как женского, так и мужского пола;
- в п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ слова «венерическим заболеванием» заменить словами «заболеванием преимущественно передающимся половым путем». Кроме того, п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ дополнить словами: «лицом, знавшим о наличии у него этой болезни»;
- ч. 2 ст. 131 УК РФ дополнить квалифицирующим признаком «совершение преступления в отношении лица, о которых виновный имел обязанность заботиться».

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с поправками от 21.07.2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – №31. – Ст. 4398.
2. Об активизации усилий в целях искоренения всех форм насилия в отношении женщин: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 62/133 от 18 декабря 2007 [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/70255020/> (дата обращения: 02.05.2020).
3. Об искоренении изнасилования и других форм сексуального насилия во всех их проявлениях, в том числе в ходе конфликтов и связанных с ними ситуациями: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 62/134 от 18 декабря 2007 [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/70255016/> (дата обращения: 02.05.2020).
4. Декларация прав ребенка (Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 02.05.2020).
5. Конвенция о правах ребенка (Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 02.05.2020).

6. Власов, А. Э. Понятие и структура преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в современном российском законодательстве / А. Э. Власов // Концепт. – 2015. – №5. – С. 3.
7. Свитенко, А. А. Проблемы квалификации преступлений против военной службы / А. А. Свитенко // INTERNATIONAL INNOVATION RESEARCH: сборник статей победителей VII Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 119-123.
8. Дуюнов, В. К., Хлебушкин, А. Г. Квалификация преступлений: законодательство. теория, судебная практика: Монография / В. К. Дуюнов, А. Г. Хлебушкин. 2-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. – 384 с.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №25. – Ст. 2954.
10. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 №16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – №2.
11. Система дала сбой: почему женщина не может сесть за изнасилование [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.ru/society/sistema-dala-sboj-pochemu-zhenshina-ne-mozhet-sest-za-iznasilovanie/> (дата обращения: 04.05.2020).
12. Волосский, Я. С., Легкопудов, А. А. Проблемы квалификации изнасилования / Я. С. Волосский, А. А. Легкопудов // Аллея науки. – 2019. – Т. 4. – № 1 (28). – С. 707-714.
13. Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 №715 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50559/ (дата обращения: 04.05.2020)
14. Кику, В. О. Заражение лица венерическим заболеванием как квалифицирующий признак преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности / В. О. Кику // Юридическая наука: традиции и инновации. – 2019. – №2. – С. 141-142.
15. Case A.vs. United Kingdom (no. 25599/94) [Электронный ресурс]. – URL: <https://swarb.co.uk/a-v-united-kingdom-echr-1-oct-1998/> (дата обращения: 03.05.2020).

Жужгина Александра Андреевна
Zhuzhgina Alexandra Andreevna

Студентка Тюменского государственного университета, юридический факультет.

УДК 343.13

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМЫ ЭКСТРАДИЦИИ КИБЕРПРЕСТУПНИКОВ

INTERNATIONAL COOPERATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF EXTRADITION OF CYBERCRIMINALS

Аннотация: в работе описаны проблемы, связанные с экстрадицией киберпреступников в Российской Федерации и из неё, предложены возможные пути их решения.

Abstract: the work describes the problems associated with the extradition of cybercriminals in and out of the Russian Federation, and suggests possible ways to solve them.

Ключевые слова: экстрадиция, выдача преступников, международный уголовный процесс, киберпреступники, киберпреступления.

Keywords: extradition, extradition of criminals, international criminal procedure, cybercriminals, cybercrime.

В настоящее время развитие информационные технологии развиваются довольно быстро. Благодаря сильному прогрессу за последние десять лет жизнь человечества изменилась в лучшую сторону: люди научились за секунды передавать килобайты информации, искусственный интеллект может выполнять функции целого отдела, а для совершения покупки теперь достаточно лишь приложить карту к терминалу. Многие вещи, казавшиеся нашим родителям недостижимым будущим, воплотились в жизнь за одно десятилетие. Вместе с появлением новых возможностей, возросло и количество опасностей. Согласно пресс-службе Генпрокуратуры России за январь-апрель 2019 года наибольший рост преступлений зафиксирован в компьютерной сфере и с использованием Интернета. Преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации обеспечили самый значительный рост — +55,2% или 77 109 случаев. Суммарный ущерб, понесённый киберпреступлениями составил 232,5 млрд рублей [1].

Преступления, такие как кража, распространение информации, мошенничество в цифровую эпоху сильно видоизменились, обрели международный формат. Преступники всё чаще не ограничиваются страной своего пребывания, а совершают преступления против интересов другой страны или даже стран. Например, если произошла утечка информации из одной социальной сети, то уголовное дело может быть сильно осложнено не только количеством пострадавших, но тем, что они будут являться гражданами разных государств. Так же возможна ситуация, когда преступник является гражданином одного государства, фактически он совершает преступление в другом, против интересов третьего. Подобные схемы сильно осложняют расследование уголовных дел, связанных с киберпреступлениями, как и вопрос дальнейшей экстрадиции подозреваемых. Для демонстрации актуальности своей работы, мне бы хотелось затронуть три известных случая, связанных с экстрадицией киберпреступников.

В июне 2013 года Сноуден передал СМИ секретные материалы о программах слежки спецслужб США и Великобритании. Массовая слежка осуществлялась с помощью PRISM. Спецслужбы просматривали электронную почту, видео, фотографии, прослушивали переговоры миллиарда человек в 60 странах мира. После возбуждения генпрокурорами США уголовного дела против Сноудена, он был вынужден бежать из страны и попросил о временном убежище у двадцати стран мира, в том числе у России. 1 августа 2014 года Сноуден получил трехлетний вид на жительство в России. США добивались экстрадиции киберпреступника, на что получали отказ, ведь между Россией и США на данный момент нет соответствующего соглашения.

Менее радужно сложилась судьба Алексея Буркова, 29-него жителя Санкт-Петербурга. Власти США предъявили обвинение россиянину, экстрадированному из Израиля. 12 ноября Бурков прибыл в аэропорт Вашингтона и предстал перед судом в Вирджинии. Россиянина обвинили в мошенничестве, сговоре, краже личных данных и отмывании денег. Ему грозит до 80 лет тюрьмы и

штраф в 21,4 миллиона долларов — по мнению американских прокуроров, россиянин получил такую сумму в результате незаконной деятельности. Подозреваемый был задержан 13 декабря 2015 года в аэропорту Тель-Авива по требованию США. Его обвинили во взломе компьютерных баз данных. Следующие годы россиянин находился в заключении в Израиле. После того, как его выдали США, посольство России в Вашингтоне направило в Госдепартамент протест в связи с экстрадицией. Российские власти предлагали обменять Алексея Буркова на 26-летнюю гражданку Израиля и США Нааму Иссахар, которую в октябре 2019 года приговорили в России к семи с половиной годам колонии по обвинению в контрабанде наркотиков. Власти Израиля отказались совершить обмен, поскольку уже решили выдать россиянина США. На мой субъективный взгляд, предложение Российской Федерации в сложившейся ситуации довольно странное: нельзя обменивать одних преступников на других, особенно, если у них так различается степень общественной опасности. Удивительным фактом является ещё и то, что Израильский суд не рассматривал заявления о выдаче Буркова российской стороне.

Ещё одного киберпреступника задержали не так давно, 11 марта 2020 года. В США задержан трэвел-блогер из России. ФБР считает, что Кирилл Фирсов помогал продавать взломанные аккаунты. Американские власти настаивают на его экстрадиции. В 2013 году трэвел-блогер и специалист по информационной безопасности основал платформу Deer.io, на которой можно создать свой интернет-магазин. ФБР проверило 250 продавцов, работающих через Deer.io. Все они занимались продажей доступа к чужим аккаунтам, взломанным серверам и личной информации: именам, адресам, датам рождения и номерам страховок.

Вопрос экстрадиции между Россией и США возникает довольно часто. Из-за отсутствия международного договора в данной сфере, каждый раз вопросы, связанные с выдачей преступников для свершения над ними правосудия вытекают в громкие политические процессы, которые касаются не только вопросов права.

Международное сотрудничество необходимо для борьбы над цифровой преступностью. Это обусловлено многими объективными факторами. В условиях глобализации преступности и всеобщего доступа к Интернету правоохранительные и судебные органы стран должны тесно взаимодействовать друг с другом, как никогда до этого, в целях обеспечения мировых правопорядка и безопасности. С такой позицией согласны, как сами государства, так и международные организации.

В России существуют три формы, в которых в настоящее время осуществляется международное сотрудничество: выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора и передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является и оказание правовой помощи [13].

Мне бы хотелось рассмотреть одну из форм международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства — экстрадицию в отношении лиц, связанных с цифровой преступностью.

В сфере экстрадиции есть множество проблем. Например, не определен процессуальный статуса лиц, подлежащих выдаче. Сам по себе термин «выдача преступника» некорректен, так как он не соотносится с презумпцией невиновности. Для иностранного государства, обращающегося в Российскую Федерацию о выдаче преступника, это лицо находится в статусе обвиняемого или подозреваемого; при этом, экстрадированный может быть невиновным лицом. В нашем уголовно-процессуальном кодексе такой субъект, как «выдаваемое лицо» не упомянут, а значит, не определены его права и обязанности. Однако, фактически, данные лица участвуют в уголовном процессе. Из этого правового пробела вытекает много проблем, например, реализация такими лицами права на защиту. Напомним, что независимо от того, являются лица самостоятельными участниками уголовного процесса или нет, они имеют право на защиту, согласно Конституции, поскольку оно применимо ко всем лицам, участвующим в уголовно-процессуальном отношении. Другое дело, когда отсутствует ясность, в качестве кого лицо входит в процесс: обвиняемого, подозреваемого или иного, самостоятельного лица. К сожалению, законодатель до сих пор не ответил на данный вопрос, в отношении экстрадированных лиц. Если мы не будем распространять право на защиту на всех участников процесса, даже таких, чей статус находится под вопросом, то это приведёт к нарушению международных стандартов в области правосудия [3].

Такая неопределенность статуса лица, подлежащего выдаче, создаёт проблемы при избрании меры пресечения. Так, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ)

регламентирует порядок заключения под стражу только подозреваемого и обвиняемого, а также условия и основания применения данной меры пресечения, но не регулирует те же вопросы, в отношении лиц, подлежащих выдаче.

Есть мнение, что статус лица, подлежащего выдаче, отличается от правового статуса подозреваемого, обвиняемого и даже осужденного осужденного. Эта позиция верна, поскольку процессуальное решение о признании лица подозреваемым, обвиняемым, осужденным принимается органами иностранных государств, а не российскими правоохранительными органами. Признание лица в качестве подозреваемого или обвиняемого в иностранном государстве не влечет автоматического закрепления аналогичного статуса в Российской Федерации. Это противоречило бы общемировому принципу суверенитета государств. В связи с этим, мне бы хотелось, чтоб в УПК РФ появился отдельный пункт, регламентирующий процессуальный статус лица, подлежащего выдаче, либо статус таких лиц нужно официально приравнять к статусу, либо подозреваемого, либо обвиняемого, либо осужденного [12].

Вопросы выдачи лиц в порядке глав 54 и 55 УПК РФ регулируются не только законодательством РФ, но еще и международными договорами. Чтобы узнать перечень международных договоров, предусматривающих возможность выдачи нужно обратиться к приложению к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. N 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания». В указанном Постановлении разъясняются некоторые практические вопросы, связанные с выдачей [4].

Запрос о выдаче лица направляется в иностранное государство через Генеральную прокуратуру РФ. В случае если лицо выдается для осуществления в отношении его уголовного преследования, то деяния, которое он совершил, должно быть уголовно наказуемым по нашему законодательству и за его совершение должно быть предусмотрено такое наказание, которое будет свыше одного года реального лишения свободы либо более строгим, а если лицо передается для исполнения приговора, оно должно быть осуждено на срок свыше 6 месяцев. Ч. 4 ст. 460 УПК РФ определяет требования к такому запросу. Кроме того, к нему прилагается заверенная копия постановления судьи об избрании меры пресечения или копия вступившего в законную силу приговора со справкой о не отбытом сроке наказания [14].

Выдача лица, находящегося на территории РФ, иностранному государству производится на основании аналогичного запроса. Есть ещё одно условие, при котором данная операция возможна: в случае, когда иностранные правоохранительные органы дадут гарантию, что лицо будет преследоваться только за преступление из запроса, а после окончания судебного разбирательства и отбытия наказания, оно сможет свободно покинуть страну, куда его выдали, и не будет выслано или выдано какому-либо другому государству без согласия Российской Федерации. Ст. 464 УПК РФ предусмотрены случаи, когда выдача лица иностранному государству не допускается и когда в выдаче может быть отказано. Решение о выдаче принимается Генеральным прокурором РФ или его заместителем. О принятом решении уведомляется лицо, в отношении которого оно принято, с разъяснением права обжалования такого решения в суд [5].

Говоря о роли Генеральной прокуратуры в рассмотрении дел, связанных с экстрадицией, то стоит для наглядности обратиться к статистике, предоставленной Управлением экстрадиции при Генеральной прокуратуре. Предоставленные инфографики были сделаны в 2016 году и к настоящему моменту не обновлялись, что, считаю, тоже является проблемой, но уже для правовой доктрины и учёных, решивших изучать данный вопрос. В целом Генпрокуратурой рассматривается порядка 1,5 тыс. запросов о выдаче, которые поступают из иностранных государств в Россию. И в то же время РФ направляет за рубеж до 400 запросов ежегодно. Наибольшее количество запросов о выдаче приходит в Россию из Узбекистана, Белоруссии, Казахстана, а также из Германии, Испании и стран Южной Америки. РФ направляет большую часть запросов в Казахстан, Белоруссию, Германию, Испанию, Швейцарию и Великобританию. При этом не ведётся отдельная статистика по преступлением, а значит тяжело определить, какую долю от общего числа экстрадированных лиц занимают киберпреступники [1].

Говоря о роли Генеральной прокуратуры в рассмотрении дел, связанных с экстрадицией, то стоит для наглядности обратиться к статистике, предоставленной Управлением экстрадиции Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры. Предоставленные инфографики были сделаны в 2016 году и к настоящему моменту не обновлялись.

С Украиной, как отметил Генпрокурор в одном из своих заявлений, сейчас нет особых проблем в части экстрадиции преступников, несмотря на то, что рабочие контакты не всегда поддерживались на должном уровне. Экстрадиция осуществляется на основе двух международных документов: Европейской конвенции о выдаче 1957 года и Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года¹.

В институциональном плане по вопросам оформления экстрадиции Украина гораздо ближе России, чем Европе. Так же, как и у нас, на Украине решение по запросам иностранных государств в отношении лиц, которых разыскивают следственные органы, принимает Генпрокуратура. Минюст рассматривает запросы в отношении тех, кто скрывается от суда.

После осложнения отношений между соседними государствами российские правоохранительные органы более лояльно относятся к запросам украинских коллег о выдаче разыскиваемых преступников. Так, с января по июль 2015 года Генпрокуратура РФ приняла решение о выдаче на Украину 25 запрашиваемых лиц, в то время как украинская сторона решила выдать российским силовикам только 12 беглецов.

Впрочем, в последние пару лет российская и украинская сторона выдают друг другу практически исключительно только мелких правонарушителей, разыскиваемых за бытовые преступления. Чаще всего это поножовщина в ходе совместного распития алкоголя, после которой преступник пытается спрятаться в соседней стране, пользуясь тем, что граница между Россией и Украиной, по-прежнему, так и осталась фактически прозрачной[6].

Есть проблема, связанная с заочным избранием меры пресечения для выдаваемых лиц. Заочное разбирательство уголовных дел прямо запрещено Конституцией РФ, кроме случаев, когда такой порядок установлен федеральным законом. По мнению правозащитников, решения, вынесенные заочно, нельзя считать полностью справедливыми и объективными [7], поскольку дело не рассматривается по существу, хотя в отношении лица осуществляется уголовное преследование. Избрание такой меры, как заключения под стражу в отношении лица без явки в суд допускается в одном случае – если обвиняемый объявлен в международный розыск. Из данного положения следует, что выдаваемое лицо должно иметь статус как минимум обвиняемого, а не подозреваемого. Как можно заметить, принципиальное значение имеет объявление обвиняемого в международный розыск, ведь до этого момента нельзя избрать меру пресечения, и это проблема, потому что в противном случае грубо нарушаются права экстрадированных лиц [10].

На практике возникает множество трудностей. УПК РФ почти не регламентирует порядок объявления в международный розыск. Основанием для объявления международного розыска является информация о выезде или намерении выехать разыскиваемого за пределы России, а также о наличии у него связей за границей. Международный розыск объявляется постановлением органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность на основании уголовно-процессуального решения о розыске, однако особенности данной процедуры нигде детально не закреплены [8].

Ещё одна проблема связана с неопределённостью сроков содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче, и отсутствием порядка продления срока содержания под стражей. Чаще всего, именно данные проблемы являются основанием для обжалования судебных решений.

После принятия решения об экстрадиции, Российская Федерация уведомляет иностранное государство о месте, дате и времени передачи лица. В случае если с этой даты прошло более 15 суток, а лицо не было принято иностранным государством, то оно подлежит освобождению из-под стражи. Если Российская Федерация не может передать или иностранное государство не может принять выдаваемое лицо по независящим от них обстоятельствам, то дата передачи может быть перенесена. По истечении 30 суток со дня, установленного для передачи, лицо подлежит освобождению. Вместе с лицом иностранному государству могут быть переданы предметы, являющиеся средствами совершения преступления либо несущие на себе его следы, но лишь при наличии обязательства иностранного государства об их возврате [2].

До сих пор остается нерешенным вопрос об установлении времени содержания под стражей лица, подлежащего выдаче. На практике встречаются сроки от 8 месяцев и более. Не ясно, какой орган вправе инициировать процедуру рассмотрения судом ходатайства о продлении срока содержания экстрадированных лиц. В соответствии со ст. 466 УПК РФ прокурор уполномочен избирать меру пресечения, но не продлевать её. С другой стороны, статьи 108, 109 УПК РФ не

¹ Бюллетень международных договоров. 1995. N 2.

упоминают, что прокурор имеет полномочия по обращению в суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей. Следователь иностранного государства, аналогично не является уполномоченным субъектом.

Верховный Суд Российской Федерации пытается решить сложившиеся на практике проблемы. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. N 41 рассматривается вопрос исчисления сроков содержания лиц под стражей. В реальности сроки содержания под стражей могут быть чрезмерно длительными, а их продление – недостаточно мотивированным и обоснованным. Такой вывод был сделан на основании проведенного в 2013 году опроса. Большинство опрошенных указывали, что срок содержания лица под стражей обычно продлевается во всех случаях, лишь треть респондентов сообщили, что лицо, подлежащее выдаче, в отношении которого избрана данная мера пресечения, было выдано не во всех случаях. Данные об избрании домашнего ареста для обеспечения выдачи лица отсутствуют [9].

Действующий УПК РФ был разработан сравнительно давно, в то время, когда о вопросах международного сотрудничества мало кто задумывался. Сейчас, когда многие преступления не привязаны к территории конкретного государства из-за развития Интернета, законодателю, внося поправки, следует обратить особое внимание на несовершенство процедуры экстрадиции, чтобы в дальнейшем избежать международных скандалов. Особенностью киберпреступников является то, что они, обычно, люди грамотные, в том числе и юридически. Если вопросы выдачи не будут регулироваться должным образом, то экстрадированные лица будут чаще обращаться за обжалованием решений правоохранительных органов, что может подорвать имидж Российской Федерации на мировой арене. Российской Федерации строит заключать больше договоров о международном сотрудничестве и совершенствовать своё внутреннее законодательство, полагаясь на опыт других государств, а, главное, наконец-то определить процессуальный статус лица, подлежащего выдаче.

Библиографический список:

1. Сайт Генеральной прокуратуры. Режим доступа: <http://www.genproc.gov.ru>. Дата обращения: 19.04.2020.
2. Балакшин В.С. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, находящихся за пределами территории Российской Федерации / В.С. Балакшин, К.К. Клевцов // Вестник Саратовской юридической академии. 2017. N 2. С. 176 - 180.
3. Бирюков П.Н. Российское законодательство о выдаче преступников: проблемы и перспективы / П.Н. Бирюков // Московский журнал международного права. 2000. N 4. С. 186 - 193.
4. Волеводз А.Г. Границы свободы и неприкосновенности в уголовном судопроизводстве: Замечание общего порядка N 35 Комитета по правам человека ООН / А.Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. N 3(32). С. 32 - 41. Волеводз А.Г. Международные стандарты заключения под стражу: позиции Комитета по правам человека ООН / А.Г. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. N 3. С. 3 - 7.
5. Волеводз А.Г. О необходимости имплементации в УПК РФ международно-правовых норм о новых направлениях международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства / А.Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. N 4(14). С. 311 - 328.
6. Гришин А.С. Организационно-правовой механизм выдачи лиц для уголовного преследования в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Гришин. М., 2010. 27 с. Зяблина М.В. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства / М.В. Зяблина // Lex russica. 2016. N 11. С. 155 - 161.
7. Иванов В.В. Сроки содержания под стражей лиц, подлежащих экстрадиции / В.В. Иванов // Актуальные проблемы современного уголовного
8. Колдин С.В. Проблемы регламентации избрания меры пресечения в виде заключения под стражу лиц, находившихся в межгосударственном розыске / С.В. Колдин // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. N 1. С. 199 - 201.
9. Косарева А.Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Е. Косарева. СПб., 2005. 25 с.
10. Насонов А.А. Основания появления в Российском уголовном процессе лица, выдача которого запрашивается для уголовного преследования / А.А. Насонов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. N 1. С. 241 - 250.

11. Насонов А.А. Специфика осуществления защитных механизмов при выдаче для уголовного преследования / А.А. Насонов // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. N 4. С. 98 - 103. Смирнов М.И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) / М.И. Смирнов // Современное право. 2007. N 3. С. 12 - 17.
12. Чемерилова Е.Н. Соотношение международного и межгосударственного розыска обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступления / Е.Н. Чемерилова // Законодательство и практика. 2014. N 2. С. 64 - 67.
13. Шестакова Т.Д. Об участии иностранных граждан и лиц без гражданства в российском уголовном процессе / Т.Д. Шестакова // Пробелы в российском законодательстве. 2012. N 2. С. 205 – 207.
14. Электронный журнал «Юридический факт» – 20.09. 2019. – N 19. – Режим доступа: <https://ur-fakt.ru>.
15. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: заключена в г. Минске 22.01.1993 // Бюллетень международных договоров. 1995. N 2.
16. Европейская конвенция о передаче судопроизводства по уголовным делам (ETS N 73) // Международное частное право. Сборник документов.- М.: БЕК, 1997. С. 780 – 790.
http://www.ispras.ru/preprints/docs/prep_27_2014.pdf, дата обращения 10.03.2019.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Рис. 1.1 Взаимодействие Российской прокуратуры с компетентными органами иностранных

государств

Рис. 1.2 Страны, компетентные органы которых наиболее часто удовлетворяли запросы о выдаче лиц для привлечения к уголовной ответственности

Плигина Наталья Вячеславовна
Pligina Natalia Vyacheslavovna
Студент ПФ ФГБОУВО «РГУП»
E-mail: pligina.n.v@gmail.com

УДК 343.1

СПЕЦИАЛИСТ, КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

SPECIALIST AS A SUBJECT OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация: В статье анализируется процессуальное закрепление участия специалиста в производстве по уголовным делам, предлагаются пути его совершенствования.

Abstract: The article analyzes the procedural consolidation of the participation of a specialist in criminal proceedings, and suggests ways to improve it.

Ключевые слова: специалист, заключение специалиста, уголовное судопроизводство.

Keywords: specialist, expert opinion, criminal proceedings

Введение.

Одной из процессуальных форм использования специальных знаний при производстве по уголовным делам значительно расширяющей возможности правоприменителя по установлению обстоятельств, имеющих значение для дела, является участие специалиста.

Содержание.

Правовой статус участия специалиста в уголовном судопроизводстве за последние несколько лет вошел в ряд основных проблем уголовно-процессуальной науки. Для раскрытия и расследования правонарушений в современной жизни применяются новые научные методы обнаружения, изъятия и исследования доказательств, но без участия специалиста решить данные вопросы было бы очень сложно. Специальные познания, навыки которыми ранее обладали специалисты, были некорректны, что приводило к неправильному толкованию и применению правовых норм.

На основании статьи 58 Уголовно - процессуального кодекса РФ (далее - УПК РФ) специалист может участвовать при проведении любого следственного действия. В части 1 вышеуказанной статьи говорится, что специалист привлекается для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его компетенцию¹. Но возникает проблема в процессуальном порядке данной деятельности, т.к., отсутствует должная регламентация.

В наше время изменилось восприятие специалиста как самостоятельной личности, что повлекло за собой внесения изменений в УПК РФ. Это новшество повысило актуальность применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Речь идет не только о консультационной деятельности специалиста или деятельности по оказанию помощи в применении технических средств, но и об участии специалиста, результатом которого является непосредственное получение доказательств по уголовному делу. Данный факт связан с тем, что в части 1 статьи 58 УПК РФ появилось понятие «специалист», но из за узкого понятия и полного отсутствия связи с определением специальных знаний, спровоцировало конфликт и разногласия между мнением авторов. Однако, при анализе норм действующего уголовно - процессуального законодательства можно заметить серьезные недостатки в правовом регулировании участия специалиста в судопроизводстве. Данное обстоятельство создает трудности в правоприменительной практике, когда необходимо использовать специальные знания при производстве процессуальных действий, оценке допустимости показаний и заключения специалиста, а также обуславливает отсутствие единства в доктринальных толкованиях.

В соответствии с частью 2 статьи 74 УПК РФ показания и заключения специалиста могут быть допущены в качестве доказательств по уголовному делу, равно как показания и заключение эксперта. В части 3 статьи 57 УПК РФ, где указаны права эксперта, содержится пункт, согласно которому эксперт имеет право давать заключение (показание) в пределах своей компетенции. Что

¹ "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ дата обращения 24.03.2020

касается эксперта, в части 3 статьи 58 УПК РФ данное право отсутствует.

Научно-технический прогресс выполняет огромную роль в процессе доказывания, по результату которого, мы являемся свидетелями постоянного роста доказательств, в основе которых лежат специальные знания.

Большое значение имеет, предусмотренное в статье 176 УПК РФ следственное мероприятие, такое как осмотр места происшествия, в котором присутствие специалиста необходимо, практически по всем заявленным преступлениям. Очень часто осмотр места происшествия проводится до стадии возбуждения уголовного дела, на основании статьи 176 УПК РФ, части 2. Исходя из вышеуказанного, можно сделать вывод, что специальные знания специалиста оказывают немалую помощь, для уголовного судопроизводства, в целом. До возбуждения уголовного дела следователь ограничен в методах сбора доказательств, для дальнейшего расследования дела.

Предметом заключения специалиста, в соответствии с частью 3 статьи 80 УПК РФ является представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. Следовательно, предмет заключения специалиста, это вопросы, которые поставлены перед специалистом сторонами. Это означает, что суд лишен возможности по собственной инициативе получать заключение специалиста, и соответственно обязан при возникновении вопросов назначать экспертизу.^[2,406]² В результате анализа ст.80 УПК РФ считаю, что необходима конкретизация п.3 данной статьи, а именно после слов «сторонами» дополнить «и судом».

Специалист может быть допрошен для получения информации об обстоятельствах уголовного дела, которые требуют специальных знаний и изложения своего мнения по данному вопросу, на основании статьи 80 УПК РФ.

По мнению профессора В.П.Божьева: «заключение специалиста – суждение по вопросам, представленное перед ним сторонами, в письменном виде, в котором нет доказательственного значения, оно всего лишь дает понять факты и обстоятельства по делу между судом и сторонами». Но, к сожалению, данное понятие противоречит действующей норме.

Необходимо обратить внимание, что в законодательстве закреплен довольно узкий перечень обязанностей специалиста как участника уголовного процесса, в отличие от обязанностей эксперта. Часть 4 статьи 58 УПК РФ устанавливает тот факт, что специалист не имеет право уклоняться от явки по вызову дознавателя, следователя или в суд, разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве специалиста.

В УПК РФ отсутствует прямое указание на наступление уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Исходя из положений ст. 307 Уголовного кодекса РФ, уголовная ответственность наступает, за дачу заведомо ложных показаний, заключения эксперта, специалиста или неправильный перевод.³ В результате анализа положений уголовного законодательства считаю, что необходимо закрепить в уголовно - процессуальном праве положение, которое в случае получения заключения специалиста дознавателем, следователем или судом письменно закреплять, что специалист предупрежден об уголовной ответственности. Письменное решение будет содержать удостоверение факта предупреждения об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и заключения.

Таким образом, роль специалиста в уголовном судопроизводстве нельзя недооценивать, так же необходима более конкретная регламентация в законе способов получения его показаний и заключений. И только на основании этого можно будет говорить об исполнении конституционного принципа состязательности в уголовном процессе. Деятельность специалистов постепенно расширяет границы своего применения в сфере правоохранительной деятельности.

Заключение.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что на данный момент существует несовершенство процессуальной позиции российского законодателя по отношению к регламентации участия специалиста в производстве по уголовным делам, а также необходимы проработки норм материального права.

² Чистилина, Д.О. Повышение эффективности правосудия путём реформирования уголовно - процессуального законодательства / Д.О. Чистилина// Современное уголовно - процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. - 2016. - С.403-406 дата обращения 27.03.2020

³ "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) дата обращения 27.03.2020

Библиографический список:

- 1) "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020)
- 2) "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. От 18.02.2020)
- 3) Чистилина, Д.О. Повышение эффективности правосудия путём реформирования уголовно - процессуального законодательства / Д.О. Чистилина// Современное уголовно - процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. - 2016. - С.403-406..
- 4) Божьев В.П. Уголовный процесс: Учебник / Под ред.В.П. Божьева-3-е изд., испр. и доп., - М., 2011.-С.148-149.

Абцилабагандова Диана Абдулкадыровна
Abtsilabagandova Diana Abdulkadirova

Студентка Тюменского государственного университета, Институт Государства и Права,
направление «Юриспруденция»

УДК 342.7

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT AND MAIN CATEGORIES OF SOCIAL RIGHTS OF MAN AND CITIZEN IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы понятий и основные категории социальных прав человека и гражданина в Российской Федерации, приведены мнения российских ученых-юристов о юридической природе социальных прав, а также сформулировано авторское определение понятия «социальные права».

Abstract: the article reviews the issues of concepts and the main categories of social rights of man and citizen in the Russian Federation, gives the opinions of Russian legal scholars on the legal nature of social rights, and words the author's definition of the concept of social rights.

Ключевые слова: социальное государство, социальные права граждан, особенности социальных прав.

Keywords: social state, social civil rights, features of social rights.

Российская Федерация, согласно ст. 7 основного Закона страны – Конституции Российской Федерации 1993 г., является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1].

В настоящее время понятие «социальное государство» в законодательстве не закреплено. Поэтому содержание сущности данного понятия является объектом дискуссий многих ученых-правоведов, поскольку каждый из них по-своему определяет понятие.

Впервые понятие «социальное государство» было отражено в трудах немецкого ученого Лоренца фон Штейна в середине XIX века. Именно им была разработана первая концепция «социального государства», в которой были отражены передовые идеи преодоления возрастающего расхождения между богатством и бедностью.

В своей работе «Настоящее и будущее правовой и научно-государственной Германии», Лоренц фон Штейн писал, что «государство обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных слоёв и сословий, для каждой отдельной самоопределяющейся личности благодаря своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и социальному прогрессу всех своих граждан, ибо только в таких условиях, развитие одного может быть условием развития каждого и именно в этом смысле требуется говорить о необходимости социального развития в странах с монополией капитала».

В трактовке немецкого ученого социальное государство превозносится над другими институтами и интересами общества, тем самым определяя каждому право на жизнь и право на труд. Социальное государство является единственным гарантом социальной справедливости, гуманизма, а также равноправия.

В свою очередь, В.И. Быстренко считает, что «под социальным государством сегодня понимается государство, в котором принимаются и действуют законы, обеспечивающие равенство возможностей всех его граждан, в котором демократически созданные органы власти, не нарушая прав человека, зафиксированных в Конституции, обеспечивают эффективное развитие экономики и за счет этого достойный уровень жизни и безопасность всех граждан, используя различные механизмы» [3, 29]. С данным определением трудно не согласиться, поскольку социальные права тесно связаны с экономическими правами. От состояния экономической составляющей государства, от степени развития экономики, зависит успешное функционирование социального государства. Экономика государства должна быть социально ориентированной, служить интересам всех слоев общества. Вместе с тем имеет место быть классификация социально-экономических прав человека и гражданина Российской Федерации, объединяющей в себе права двух сфер: социальной и

экономической.

А.А. Крикунова отмечает, что «социальное государство – это государство, в котором не только провозглашаются конституционно, но и реализуются социальные права человека. В социальном государстве взаимоотношения между личностью и государством, между различными социальными группами строятся на принципах социальной солидарности, социального партнерства, социальной справедливости» [6, 91].

По мнению ряда ученых, таких, как Е.В. Колесников, И.Н. Плотникова, У.А. Старшова: «социальное государство – важнейший компонент внутриправового и международного статуса государства, гарантирующего экономические и социальные права и свободы и соответствующие официальные государственные обязанности» [5, 96].

Исходя из приведенных терминов, на наш взгляд, социальное государство – это высокоразвитое государство, главной задачей которого является достижение высокого уровня социальной защищенности своих граждан путем активной деятельности в регулировании социальной, экономической и других сфер жизнедеятельности общества.

Перейдем к социальным правам, к их определению. Социальные права наряду с экономическими и культурными правами, представляют собой второе поколение прав человека. Они возникли в XIX веке путем классовой борьбы трудящихся за формирование справедливых условий жизни и труда.

В настоящее время социальные права закреплены в Конституции Российской Федерации 1993 года, во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Европейской социальной хартии (1996 г.) и др., тем самым обладая всеобщее, международно-правовое признание.

Следует отметить, что единого понятия социальных прав в юридической науке не существует. Так, Н.В. Шакун считает, что «социальные права – это признаваемые обществом и государством за каждым человеком (гражданином) его возможности притязать на достаточную социализацию, то есть обладание социально-значимыми свойствами и соответствующим (приемлемым) статусом, и претендовать в этой связи на создание условий и получение средств, необходимых для достойного существования (нормальной жизнедеятельности) человека в данном обществе и его дальнейшего социального развития (личностного роста)» [8, 64].

Н.В. Путило в своей работе, посвященной основам правового регулирования социальных прав, выделяет следующее определение социальных прав: «...как основных, неотъемлемых возможностей каждого человека, гарантирующих защиту и поддержку со стороны общества и государства в случаях объективной невозможности самостоятельно обеспечить достаточные условия существования для себя и своей семьи, предполагающих содействие в получении доступа к основным ценностям цивилизованного общества (образованию и здравоохранения)» [7].

В свою очередь, А.А. Кириченко отмечает: «социальные права - это такие права, закрепленные в нормах международного и внутригосударственного права, которые реализуются в социальной сфере, гарантируют достаточный уровень жизни, отражают статус различных социальных групп, обеспечивают социальную свободу и социальную безопасность каждой личности, активную роль в осуществлении которых играет государство» [4, 79].

В своем диссертационном исследовании Е.В. Аристов предлагает следующее определение социальных прав: «социальные права – это гарантированные государством возможности удовлетворения жизненных потребностей человека, его достойной жизни и свободного развития. Они касаются поддержания и нормального закрепления социальной жизни индивида, определяют положение человека в сфере труда и быта, занятости, благосостояния, социальной защищенности с целью создания условий, при которых люди могут быть свободны от страха и нужды» [2].

На основе вышеизложенного, социальные права, на наш взгляд, представляют собой нормативно закрепленные права, со стороны которых государство обеспечивает каждому гражданину равенство возможностей и минимум условий для удовлетворения жизненно важных материальных и духовных потребностей, способствует свободному существованию и развитию каждого человека и гражданина.

Зачастую социальные права в юридической науке рассматриваются вместе с экономическими правами, поскольку они тесно взаимосвязаны и обособить их друг от друга бывает сложно. Поскольку какое-то определенное право в экономической сфере может предназначать соответствующее право в социальной сфере и наоборот. По этой причине многие авторы

монографий, статей, учебной литературы, а также других научных работ по конституционному праву рассматривают социальные права вместе с экономическими и культурными правами.

В свою очередь, к особенностям социальных прав, на наш взгляд, можно отнести:

1) зависимость социальных прав непосредственно от состояния экономики в стране, от финансовых возможностей государства, от ресурсов. В отличие, например, от личных прав, социальные права требуют значительных материальных затрат;

2) социальные права распространяются на какую-то конкретную сферу социальных отношений или на определенную категорию граждан, то есть имеют адресную направленность;

3) социальные права направлены на удовлетворение базовых потребностей человека, таких, как потребности в питании и в жилье, в работе и в отдыхе, и т. д.;

4) социальные права закрепляются за каждым человеком.

Также следует отметить, что в настоящее время отсутствует единая классификация социальных прав. Конституция Российской Федерации закрепляет следующий ряд социальных прав:

1. право на труд (ст. 37);
2. право на отдых (ст. 37, п. 5);
3. на благоприятную окружающую среду (ст. 42);
4. на защиту материнства, детства и семьи (ст.38);
5. на социальное обеспечение (ст. 39);
6. на жилище (ст. 40);
7. на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41) [1].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что социальные права гарантируют достаточный уровень жизни, без которого невозможно нормальное человеческое существование. Они обеспечивают каждому гражданину минимум условий для удовлетворения жизненно важных духовных и материальных потребностей, а также способствуют его свободному развитию в обществе. В свою очередь, социальное государство, являясь высокоразвитым государством, должно обеспечить минимальный стандарт жизни каждому гражданину и достичь высокого уровня социальной защищенности граждан разных социальных статусов.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 21 июля 2014 года опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 1 августа 2014 года, в «Собрании законодательства РФ» 4 августа 2014 года, № 31, ст. 4398.

2. Аристов Е.В. Социальные права человека и гражданина в Российской Федерации: конституционное исследование. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8–9.

3. Быстренко В.И. Россия как социальное государство: миф или реальность? // Идеи и Идеалы. 2018. № 4 (38). С. 26–48.

4. Кириченко А.А. Понятие, система, юридическая природа и механизмы реализации социальных и экономических прав человека (гражданина) в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. №1. С. 76–83.

5. Колесников Е.В., Плотникова И.Н., Старшова У.А. Становление социального государства в Российской Федерации: проблема развития социальных и экономических прав человека и гражданина // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 4. С. 91–113.

6. Крикунова А.А. Социальные права человека: понятие, система и юридическая природа // Пробелы в Российском законодательстве. 2009. № 4. С. 90–92.

7. Путило Н.В. Основы правового регулирования социальных прав. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 10–11.

8. Шакун Н.В. К вопросу о понятии социальных прав // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. С. 60–64.

Полторакова Елена Андреевна
Poltorakova Elena Andreevna

Байкальский государственный университет, кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора

УДК 343.1

ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, КАК МЕРА БЕЗОПАСНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

CHANGE OF HUMAN EXTERNALITY AS A MEASURE OF SECURITY IN THE CRIMINAL PROCESS

Аннотация: В соответствии с законодательством Российской Федерации лицам, участвующим в уголовном процессе, в случае возникновения реальной угрозы их жизни и здоровью, предоставляются защитные меры, обеспечивающие их безопасность на время рассмотрения судебного дела. Такие меры необходимы для того, чтобы на законодательном уровне осуществить разбирательство по совершённомu преступлению и при этом защитить лиц, которые выступают сторонами дела до момента вынесения обвинительного приговора. Одним из распространённых способов защиты является изменение внешности. Именно это преобразование позволяет участнику уголовного процесса сохранять свою безопасность. Поскольку в нашей стране рост преступности постоянно растёт, следовательно, защитные меры должны постоянно усиливаться.

Annotation: In accordance with the legislation of the Russian Federation, persons participating in the criminal process, in case of a real threat to their life and health, are provided with protective measures to ensure their safety during the trial. Such measures are necessary in order to legislatively conduct the investigation of the crime committed and at the same time protect the persons who are parties to the case until the conviction. One common way to protect yourself is to change your appearance. It is this transformation that allows the participant in the criminal process to maintain their safety. Since in our country the growth of crime is constantly growing, therefore, protective measures must be constantly strengthened.

Ключевые слова: уголовный процесс, участники процесса, преступления, защитные меры, безопасность, уголовное разбирательство.

Keywords: criminal process, participants in the process, crimes, protective measures, security, criminal proceedings.

Введение

Статья 2 Конституции Российской Федерации закрепляет положение о том, что государство обязано защищать и соблюдать права, свободы человека и гражданина [1, Ст.2]. Такие меры направлены и на обеспечение личной и имущественной безопасности участников уголовного процесса. Особую важность представляют защитные функции по делам организованной преступности, поскольку нарушители закона зачастую стараются «замести» свои следы, воздействовать на участников процесса, путём запугивания, нейтрализации и, зачастую, даже совершив убийство. Так как государство обязано обеспечивать безопасность не только граждан, участвующих в уголовном разбирательстве, но и правоохранительных органов, возникает вопрос об усилении безопасности указанных лиц, которые оказывают содействие осуществлению правосудия.

Статья

Согласно Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [1, ст.46]. По общему правилу, процессуальными мерами защиты являются:

1. Неразглашение сведений о личности.
2. Освобождение от участия в судебном процессе.
3. Закрытое судебное заседание.

Помимо общих мер, предусмотрены специальные:

1. Технические контролирующие средства.
2. Охрана личности, его имущества и места проживания.
3. Изменение паспортных данных, либо общая замена паспорта.
4. Прослушивание переговоров.

5. Запрещение выдачи сведений [9, с.2].

Изменение внешности относится к личным мерам безопасности лица, имеющего весомое значение в уголовном судопроизводстве, и обеспечивается государством.

Органы власти предоставляют защиту:

1. Потерпевшему,
2. Свидетелю,
3. Частному обвинителю,
4. Подозреваемому, обвиняемому, подсудимому и их защитникам,
5. Третьим лицам (экспертам, переводчикам, понятым) [2, ст.2].

Список намного больше, но в отношении уголовного судопроизводства именно эти лица являются важными участниками.

Также защитные меры могут применяться в отношении заявителя, очевидца, жертвы преступления, родственников и близких лиц, противоправное посягательство на которых оказывает воздействие на основных участников уголовного дела [3, ч.3 ст.11].

Основанием для применения указанных мер является наличие реальной угрозы для жизни, здоровья, имущества, совершение насильственных действий, а также иных противоправных деяний, которые могут нанести вред участникам уголовного процесса и членам семей по причине участия первых в судебном разбирательстве [3, ч.1. ст.65].

Любой человек запоминается именно по внешнему виду, поэтому, изменив, манеры, паспорт и иные детали, но при этом оставив лицо, человек останется тем же, кем и был.

Изменение внешности применяется в исключительных случаях, когда недостаточно такой меры, как засекречивание, то есть хранение данных о личности (его фамилии, имени, отчества, даты и места рождения) в опечатанном конверте. Эти данные прикладываются к материалам дела. Вскрывать конверт имеют право только те, кто засекретил участника процесса (следователь, прокурор, суд), а также изменения данных в паспорте, либо его замены [11, с. 364-373].

Процедура по изменению внешности участника процесса, когда невозможно сохранить безопасность иными способами. Как правило, изменению подлежит лицо участника. Это может быть изменение цвета волос, наложение грима, а может и кардинальное изменение, например, медицинское вмешательство. Изменение внешности при помощи пластической хирургии проводят, если наложение грима не даёт ожидаемых результатов, другими словами говоря, когда внешность не изменилась, либо изменилась, но не настолько, чтобы человек стал неузнаваемым.

Есть предположение, что указанная процедура нарушает права и свободы человека и гражданина, поскольку «стирает» прежнее лицо и создаёт новое. Однако, изменение внешности не может проводиться без выражения на то согласия со стороны защищаемого лица. В противном же случае будет нарушено его право на самовыражение и индивидуальность [6, с.53]. А когда, желание выражено, оно может быть приведено в реальность только при наличии условий, указанных в законодательстве РФ, которые прямо указывают на применение такой исключительного защитного способа. Отсюда следует вывод, что никаких правовых нарушений в данной процедуре нет.

Само понятие изменение внешности не закреплено на законодательном уровне и в последнее время всё чаще поднимается вопрос о эффективности применения этой процедуры в качестве меры защиты. Многие авторы считают, что это может привести к идентичности нескольких людей, что исключает индивидуальность, ведь все люди разные как по половым, так и биологическим признакам [8, с.36]. В этой сфере постоянно ведутся дискуссии и споры. Причиной тому служат явно непроработанные аспекты в области изменения внешности лиц, участвующих в уголовном процессе. Очевидно одно, что такая процедура выгодна косметическим компаниям. Также необязательно менять внешность кардинально, можно сделать это отдельными частями, например, изменить разрез глаз. В любом случае проблемы в этом вопросе имеются, и их нужно решать.

В связи с тем, что лица, содействующие осуществлению правосудия, являются уязвимыми, помимо материальных и правовых гарантий, необходимо развитие и мер уголовно-процессуального характера.

Институт становления государственных мер по защите важных участников уголовного процесса пока находится на стадии становления. Нормативная база уже сформированы, но правовое регулирование проводится не в полной мере. Статистические данные позволяют говорить о том, что число покушений, убийств и иных преступлений имеет тенденцию к росту, сюда же относятся и преступления в отношении участвующих в уголовном деле лиц.

Для полноценного развития государственной системы по защите лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам, необходимо ориентироваться на опыт иных государств, которые уже давно применяют охранительные меры.

В действующем законодательстве РФ следует детально проанализировать нормы, касающиеся данного института, выявить проблемы и разработать меры по их устранению.

Увеличение эффективности работы должностных лиц, сотрудников медицинских учреждений, прежде всего, оказывающих психологическую помощь, поскольку преступники, как правило, не являются здоровыми людьми и их необходимо лечить.

Также важно формировать правовую культуру граждан, то есть осведомлять их о своих правах и способах их защиты. Сами участники уголовного судопроизводства должны понимать, что на них лежит ответственность не только за принимаемое судом решение, но, прежде всего, за свою безопасность. В случаях появления любой опасности, обращение в правоохранительные органы будет самым верным решением.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации. Принята Всенародным голосованием 12.12.1993 г. (ст.2), (с учётом поправок внесённых Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6 – ФКЗ, от 30.12.2008 № 7 – ФКЗ, от 5.02.2014 № 2 – ФКЗ, от 21.07.2014 № 11 – ФКЗ) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 21.05.2020 г.)

2. Федеральный закон от 20.08.2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ст.2), (в ред. от 07.02.2017 г.) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=212439&fld=134&dst=1000000001_0&rnd=0.41587059547986693#06436813060605668 (дата обращения 21.05.2020 г.)

3. Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174 - ФЗ (ч.3 ст.11), (в ред. от 24.04.2020 г.) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 21.05.2020 г.)

4. Бородкина Т. Проблемы и перспективы развития института государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства // Мировой судья. 2010. № 4.

5. Брусникин Л.В. Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства https://thelibrary.ru/books/1_v_brusnicyn/kommentariy_zakonodatelstva_ob_obespechenii_bezопасnosti_uchastnikov_ugolovnogogo_sudoproizvodstva-read-2.html (дата обращения 21.05.2020 г.)

6. Войников В.В. Тактика обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве. Автореф. дисс. канд. юрид. Наук. Калининград, 2002. 78 С.

7. Журавлев М.П., Наумов А.В., Никулин С.И., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Янеленко Б.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная (учебник; под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д.ю.н., проф. А.И. Рарога; издание 10-е, перераб. и доп.). - «Проспект», 2018.

8. Зайцева О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. - М., 2001. С.36.

9. Малахова Л.И. Меры безопасности в уголовном судопроизводстве: проблемы реализации и эффективности // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 4. С.2.

10. Степанов А.А. Проблемы обеспечения участников уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершённых организованными преступными группами // Вестник криминалистики, 2004. № 3 (11). С.56.

11. Янин С.А., Тришкина Е.А., Песоцкий А.В. К вопросу о понятиях и видах мер безопасности в российском уголовном судопроизводстве. - ВА МВД России, Волгоград, 2010. - 373 С.

Ващенко Ольга Анатольевна
Vashchenko Olga Anatolyevna

Студентка Тольяттинского государственного университета, институт права

E-mail: olg.vashchenko2017@yandex.ru

УДК 343.535

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА В РОССИИ

ABOUT SOME PROBLEMS OF EFFICIENCY OF THE BANKRUPTCY INSTITUTE IN RUSSIA

Аннотация: в работе рассмотрена проблема в регулировании процедуры перехода должника в конкурсное производство, необоснованной реализации имущества должника с торгов, связанной с отсутствием заинтересованности участников банкротства в восстановлении платежеспособности должника, приведен пример из судебной практики, подтверждающий наличие затронутой проблемы, указаны возможные пути ее решения.

Abstract: the paper deals with the problem of regulating the procedure for the debtor's transition to bankruptcy proceedings, the unjustified sale of the debtor's property at auction, related to the lack of interest of the bankruptcy participants in restoring the debtor's solvency, an example from court practice confirming the existence of the affected problem, and possible ways to solve it.

Ключевые слова: восстановление платежеспособности, реабилитационные процедуры, проблемы эффективности, институт банкротства, незаинтересованность кредиторов.

Keywords: restoration of solvency, rehabilitation procedures, efficiency problems, institution of bankruptcy, disinterest of creditors.

Суть каждого явления, в том числе и института банкротства, возможно уяснить только путем установления его целей. В связи с чем, целесообразно определить цели банкротства для последующего решения всевозможных спорных вопросов, связанных с эффективностью института несостоятельности (банкротства).

На сегодняшний день отсутствует четкое правовое определение целей института банкротства. По вопросу определения целей дискутирует множество научных деятелей. Некоторые авторы видят цели института банкротства в удовлетворении требований кредиторов [1,87; 2,37]. Другие говорят о восстановлении платежеспособности должника как основной цели института банкротства [3,15]. Третьи видят главным смыслом института банкротства освобождение рынка от неплатежеспособных, неликвидных и неконкурентоспособных предприятий [4,677]. Существует и множество других подходов к вопросу определения целей института банкротства, однако можно выделить следующие уровни их определения: макроуровень – интересы рынка, и микроуровень – интересы должника и кредиторов [5,4].

В результате анализа мнений и подходов различных авторов по вопросу определения целей института банкротства, а также действующего российского законодательства о несостоятельности (банкротстве), стоит выделить следующие основные цели: восстановление платежеспособности должника, наиболее полное удовлетворение требований всех кредиторов, избавление экономики страны от неликвидного предприятия.

Однако не каждой из приведенных целей удастся достичь ввиду недостаточной урегулированности порядка проведения процедур банкротства. Не смотря на постоянное совершенствование действующего законодательства, возникают пробелы в праве. Кроме того, в недостаточной степени регламентированы некоторые аспекты процедур банкротства. Одной из проблем в достижении восстановления платежеспособности предприятия является процедура реализации всего имущества должника с торгов, даже если его стоимость в разы превышает сумму требований всех кредиторов.

Обращение в суд с ходатайством о признании должника банкротом и введении в отношении него конкурсного производства относится к исключительной компетенции собрания кредиторов, о чем говорит абз. 11 ч. 2 ст. 12 Закона о банкротстве [6,12].

Таким образом, переход в процедуру конкурсного производства осуществляется на основании решения собрания кредиторов, однако отсутствует запрет на введение конкурсного производства при

наличии имущества, достаточного для погашения всех требований кредиторов, или даже превышающего по стоимости всю сумму задолженности предприятия – должника. Это связано с отсутствием обязанности проведения в отношении должника реабилитационных процедур до введения конкурсного производства.

На практике зачастую складываются такие ситуации, при которых конкурсный управляющий выставляет на торги все имущество должника одним единым лотом, не учитывая, что его стоимость в разы превышает задолженность предприятия перед кредиторами, а в некоторых случаях даже достаточна для продолжения хозяйственной деятельности. В связи с чем, можно сделать вывод, что у участников процедуры банкротства отсутствует цель в сохранении работающего предприятия, продолжения его деятельности. Для кредиторов представляет интерес лишь удовлетворение своих требований, что не соответствует целям института банкротства в России.

Так в соответствии с судебной практикой, а именно Определением Арбитражного суда Самарской области от 29.08.2017 по делу о несостоятельности (банкротстве) ОАО Комбинат «Полимерстройматериалы» № А55-20650/2015, конкурсному кредитору было отказано в признании недействительным собрания кредиторов, на котором было принято решение об утверждении Положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника. В обоснование заявленных требований конкурсный кредитор указывал, что реестр требований кредиторов должника на дату проведения собрания не превышает сумму в 115 млн руб., тогда как перечень имущества, выставляемого на торги оценен в общей сложности на сумму более 700 млн руб. Однако суд в своем судебном акте указал, что в соответствии со ст. 2 ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" конкурсное производство - процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику, признанному банкротом, в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов. В процедуре конкурсного производства не ставится цель восстановления платежеспособности и продолжения деятельности должника.

Также суд указал, что согласно ст. 146 ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" в случае, если в отношении должника не вводились финансовое оздоровление и (или) внешнее управление, а в ходе конкурсного производства у конкурсного управляющего появились достаточные основания, в том числе основания, подтвержденные данными финансового анализа, полагать, что платежеспособность должника может быть восстановлена, конкурсный управляющий обязан созвать собрание кредиторов в течение месяца с момента выявления указанных обстоятельств в целях рассмотрения вопроса об обращении в арбитражный суд с ходатайством о прекращении конкурсного производства и переходе к внешнему управлению [7,4]. Однако стоит отметить, что конкурсный кредитор обладал миноритарным количеством голосов на собрании кредиторов и не смог добиться перехода во внешнее управление с учетом позиции иных кредиторов, обладающих мажоритарным количеством голосов. Это связано с тем, что кредиторы заинтересованы лишь в получении удовлетворения своих требований к должнику и нисколько не заинтересованы в восстановлении его платежеспособности и сохранении действующего предприятия на рынке. Заинтересованным в восстановлении платежеспособности оказывается кредитор, являющийся лицом, аффилированным с должником, который стал ограничен в правах в еще большей степени с выходом Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ от 29.01.2020.

В восстановлении платежеспособности должника заинтересованы лишь сам должник и государство, стремящееся сохранить рентабельное предприятие, способное осуществлять свою хозяйственную деятельность и уплачивать налоги в бюджет.

О недостижении цели восстановления платежеспособности должника говорит, в первую очередь, статистика, изложенная в Отчете о работе арбитражных судов субъектов РФ по рассмотрению дел о банкротстве, размещенном на официальном сайте Судебного Департамента при Верховном суде РФ.

Согласно статистическим данным за 2017 год 0,2% всех дел прекращены в связи с восстановлением платежеспособности должника, что крайне мало, в условиях определения восстановления платежеспособности должника в качестве одной из основных целей института банкротства. В результате наблюдения же введено конкурсное производство в 81% случаев, что свидетельствует об отсутствии применения реабилитационных процедур в отношении должника и шанса на восстановление платежеспособности.

В 2018 году статистика показывает, что 0,3% всех дел прекращены в связи с восстановлением платежеспособности должника. А по результатам процедуры наблюдения 80% составляют случаи открытия конкурсного производства без применения реабилитационных мер.

Статистика 2019 года говорит о том, что 0,1% всех дел заканчиваются восстановлением платежеспособности. Наблюдение же завершается переходом к конкурсному производству в 79% дел [8].

Приведенная статистика позволяет сделать вывод о крайне малом количестве случаев восстановления платежеспособности должника и очень высоком показателе количества дел, когда реабилитационные процедуры не применяются вовсе, не предоставляя организациям шанс на продолжение своей хозяйственной деятельности.

Решение вышеназванной проблемы видится путем закрепления порядка реализации имущества должника с торгов, который бы предполагал начало продажи неликвидного имущества, отсутствие которого не препятствовало бы нормальному функционированию предприятия и возможности продолжить ведение своей хозяйственной деятельности. То есть необходимо установить такой порядок реализации имущества, при котором существует возможность сохранения организации – должника и восстановления его платежеспособности даже на этапе конкурсного производства. Кроме того, следует установить запрет на открытие конкурсного производства в отношении должника до проведения в отношении него реабилитационных процедур, а также при наличии имущества, стоимость которого достаточна для погашения требований всех кредиторов.

Сохранение платежеспособного предприятия является важнейшей задачей института банкротства, в связи с чем, необходимо принятие комплекс мер, которые бы позволили увеличить количество дел, завершающихся восстановлением платежеспособности должника с целью продолжения его хозяйственной деятельности и удовлетворения требований кредиторов. Лишь достижение одновременно этих двух целей позволит говорить об эффективности института банкротства.

Библиографический список:

1. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс (Серия «Классика российской цивилистики») / Г.Ф. Шершеневич. – М., 2000. – С. 87;
2. Чернова М.В. Механизмы защиты интересов должника и кредиторов в процедурах банкротства // Финансы и кредит. 2012. №21 (501). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-zaschity-interesov-dolzhnika-i-kreditorov-v-protsedurah-bankrotstva> (дата обращения: 22.05.2020).
3. Карелина С.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) / С.А Карелина. – М. 2008 – С. 15.
4. В.П. Волков, А.И. Ильин, В.И. Станкевич и др.. Экономика предприятия: Учеб. пособие / В.П. Волков, А.И. Ильин, В.И. Станкевич и др.; Под общ. ред. А.И. Ильина, В.П. Волкова. — М.: Новое знание, 2003. С. 677.
5. Сибирякова М.А. К вопросу о целях института несостоятельности (банкротства). URL: <file:///C:/Users/PackardBell/Downloads/31a.pdf> (дата обращения: 29.04.2020).
6. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 24.04.2020) "О несостоятельности (банкротстве)" // "Собрание законодательства РФ", 28.10.2002, N 43, ст. 4190.
7. Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5bde38dc-c868-4fce-9464-c8b294599355/bc7de1da-b0ea-4b31-9470-738ab4b0c688/A55-20650-2015_20170829_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 30.04.2020).
8. Судебный Департамент при Верховном суде РФ. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 26.03.2020).

Научное издание

Коллектив авторов

ISSN 2500-1140